

МИХАИЛ КОЖУХОВ

КЛУБ ПУТЕШЕСТВИЙ

**ЗАПИСКИ КОМАНДОРА
И ДРУГИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 910(100)
ББК 26.89(0)
К51

Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Кожухов М.
Клуб путешествий Михаила Кожухова / Москва: Издательство АСТ,
К51 2017. – 240 + [48 вкл.] с.: ил.

ISBN 978-5-17-100657-0

В книге множество заметок, мыслей, воспоминаний по мотивам самых интересных и необычных «одиссей» участников «Клуба путешествий Михаила Кожухова», без «туристического фастфуда»!

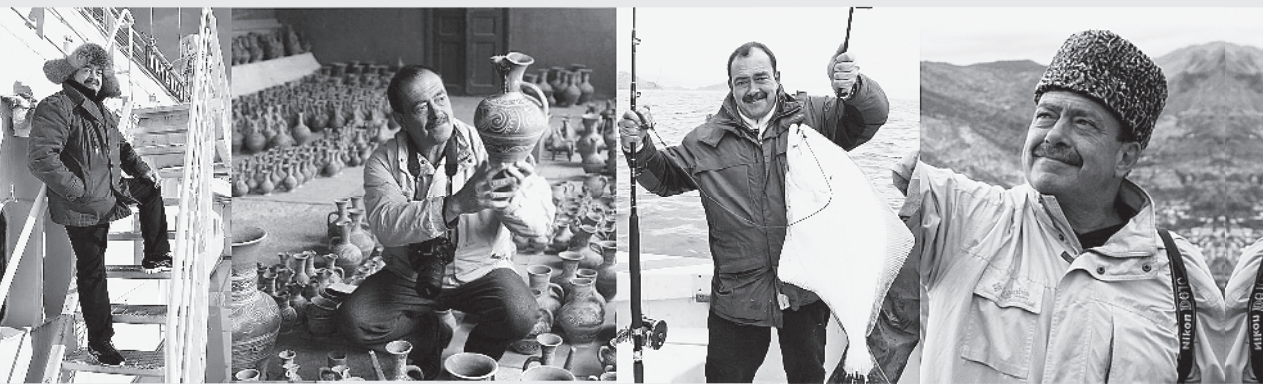
Авторы путешествий: Михаил Кожухов, Алекс Дубас, Михаил Козырев, Андрей Бильжо, Виктор Панжин, Екатерина Рождественская и другие участники «Клуба путешествий Михаила Кожухова».

УДК 910(100)
ББК 26.89(0)

© М. Кожухов, 2017

ISBN 978-5-17-100657-0

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

ЗАПИСКИ КОМАНДОРА

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ: НАЧАЛО

«А как, Михаил, Вы начали путешествовать?» – спрашивают меня пионеры и школьники. Ну, слушайте: покоряли мы однажды Приполярный Урал. Сравнялся мне 21 год, уже были у меня за плечами три-четыре водных похода. И выглядел я, как на этом снимке: парень хоть куда (см. фото 5).

Приполярный Урал – одно из самых красивых мест в мире. Я ни до, ни после таких необычных гор, как там, не видел: Сабля, Манарага... Вы погуглите картинку – красота несусветная. Но не доберешься туда по-человечески! Мы, например, шли вверх по течению реки Косью 120 км. Потом карабкались около 40 км через перевал, куда надо было еще и дрова для костра тащить, а потом сплавливались по Кожиму около 100 км, для чего байдарки проклятые марки «Салют», весом 38 кг каждая, пришлось всю дорогу волочить на себе. (см. фото 6)

На Приполярном Урале все прекрасно. Грибов и голубики море, северные олени стадами ходят, и все такое. Кроме погоды – холодно там даже летом и почти всегда – дождь. Воду можно пить, как олени – зашел в реку цвета изумруда и пей. Но от тамошней воды кожа на руках трескается чуть не до костей. Утром приходилось опускать их в реку, чтобы хоть как-то размочить трещины и начать пользоваться конечностями по их прямому назначению. Руки на снимке не мои, а моего учителя Толика Свиридонова. Но и у меня такие же были. (см. фото 7)

Без нашего адмирала, моей сестры (см. фото 9, она на снимке слева от меня), мы бы домой ни за что не вернулись. Зверюга она. Вставала утром ни свет ни заря, готовила себе кашу, потом валила на нас, спящих, мокрую

от дождя брезентовую палатку, и уходила. Гестаповка! Кстати, это ее идея была взять раскладку (еду, по-вашему) из расчета 320 граммов на человека в день. Чтоб вы знали, нормальные люди с килограммом ходят, спортсмены берут граммов по 800 на рыло. А тут – 320 жалких гр., считая крупы, супы, мясо сушеное, сухари и прочие радости. Откуда она вообще взяла, что человек на таком пайке может выжить?!

Когда карабкались вверх по Косью – трудно, но жить можно было. Если берег пологий, байдарку на парашютной стропе корабликом тащишь, как бурлаки на Волге. А если порог или каньончик – прыгай в воду по пояс, толкай ее между камней. Камни скользкие, падаешь то и дело, руки в ссадинах, колени разбиты... Настоящий ад начался, когда мы прошли границу леса и стали подниматься на перевал. На снимке-то я придуриваюсь – типа, устал очень. А по правде, отстал я однажды на каменной осыпи, вверх идти страшно, вниз – еще хуже, за плечами байдарка проклятая, центр тяжести у тюка выше головы... Думал, все, пропал Мишка на Севере! (см. фото 10)

Сплав поначалу был, скажу я вам, тоже не сахар. Кожим в верховьях – не река, а лесенка мокрая из булыжников (см. фото 8). Одна из байдарок кильнула, ее на каменный зуб намотало – на шпангоуты и стрингеры смотреть было страшно, шкура – в клочья, от кильсона – щепки одни. Хорошо хоть, что все в группе, кроме меня, были из МВТУ. Я любил с ними ходить. Надежные они и рукастые – чего хочешь из ничего в тайге смастерить могут. Одно слово – инженеры.

От такой жизни мы вышли из графика, еда наша жалкая совсем кончилась. Последние три дня, считай, только на грибах и голубике шли. Из остатков размокших сухарей котлеты хлебные пытались жарить. Сигарет у меня уже тоже не было, курил самокрутки из мха и листьев... На 11 килограммов похудел за две недели! А взамен что? Одно название – серебряные призы чемпионата СССР по «Буревестнику». Даже медалей не дали! (см. фото 12)

КАК Я ПРОСИЛ ПРОЩЕНИЯ У ПИНОЧЕТА

Так уж случилось – я стал первым и единственным журналистом из России, которому удалось взять большое телевизионное интервью у «всемирного Бармалея» XX века – чилийского диктатора Аугусто Пиночета. Это интервью обернулось громким международным скандалом. Произошла эта история в декабре 1993 года, «когда деревья были большими», а реклама на телевидении делала первые шаги. Тогда и появился в редакции «Международной панорамы» в Останкино некий чилиец, который продавал в России конфеты. Его идея была проста: он приглашает в Чили телевизионную группу, которая снимает кино и, между делом, его производство, как я теперь понимаю, весьма обычных конфет. «Хочешь поехать в Чили?» – спросили меня. «Хочу». «А куда?» «А вот сюда», – я ткнул пальцем в ближайший к перуанской границе самый северный город Чили и провел черту до самого юга – городка Пунта-Аренас на берегу Магелланова пролива. Вы не поверите – чилиец согласился, и план командировки утвердили.

Это было, конечно, безумием – проехать всю страну – тысячи километров! – с севера на юг за две недели. Но мы это сделали: режиссер Андрей Хухриков, оператор Александр Летичевский, редактор Надежда Шульженко, отставной полковник карабинеров, приходившийся зятем изготовителю конфет, и я. Подробности нашего блицкрига заслуживают отдельного рассказа. Пустыня Атакама, Чукикамата – самая большая в мире дырка, которую человек проковырял в земле, чтобы добыть медь, леса араукарии, национального чилийского дерева, похожего на огромный укроп, закрытые немецкие колонии на юге и многое, многое другое, описания чего я теперь опускаю, чтобы не отклониться от темы.

Как-то сам собой стал складываться фильм. Он состоял из монологов людей, рассуждавших о военном перевороте в этой стране, со времени которого прошло ровно двадцать лет. Там был горный инженер, вдова убитого секретаря ЦК компартии, молодой карабинер, уличная певица, рыбак – разные, в общем, по возрасту, достатку и убеждениям люди. И все они, хочешь не хочешь, говорили о Пиночете. Кто хвалил, кто проклинал, кто острожноничал. В любом случае, то, что они говорили, совсем не соотносилось с привычными мифами советской пропаганды. Оказалось, не было никогда

в Чили «сапога чилийской военщины» и прочих глупостей, которые перепечатывали в те годы наши газеты... Но разве может быть кино про Пиночета без Пиночета? Это, согласитесь, бред. И я стал искать генерала.

Пригласивший нас чилиец был близок к правящей партии, да и я не впервые был в этой чудесной стране. Был знаком даже с Эрнаном Вихи, отцом чилийского экономического чуда, трудившегося при хунте министром. Но все, к кому мы обращались, включая бывшего министра, твердили одно – забудьте! Генерал, в ту пору главнокомандующий сухопутными войсками и пожизненный сенатор, не давал интервью. Никогда. Никому. Только вчера он отказал CNN. Просто забудьте. Выбросьте эту идею из головы и езжайте с миром домой.

А в Чили как раз случились президентские выборы. И я решил – а пойдём-ка мы на участок, где будет голосовать генерал. Брошусь к нему в ноги и жалобно, по примеру Кисы Воробьянинова, пропищу: так, мол, и так, снимаю про вас кино, а вас там нет!

Идея была дурацкой. За несколько минут до появления генерала его охрана прорубила в толпе журналистов коридор, Пиночет быстро проголосовал и, не ответив ни на один вопрос прессы, уехал. Но!

Примерно за полчаса до его появления на избирательный участок приехала с инспекцией какая-то шишка. Шишка была представительным седовласым мужчиной с голливудским лицом, одетой в ослепительно белый военный китель с золотыми позументами. Редактор Надежда Шульженко, сочетавшая в себе при маленьком росте видную внешность, природное обаяние, высокий редакторский профессионализм и кумулятивную силу противотанковой гранаты, бросилась на шишку грудью, приперла её к стене и залопотала что-то на французском языке, шишке не известном. Минутного замешательства начальника хватило, чтобы к ним пробрался и я – с челобитной.

Начальник оказался ни больше ни меньше военным комендантом Сантьяго-де-Чили. Тут надо заметить, что была пятница, а в ближайший вторник самолет «Аэрофлота» уже должен был увезти нас восвояси. Времени, стало быть, оставалось только три дня... Выслушав, комендант сказал: «Позвоните мне в субботу ровно в 12.00».

Понятно, правда? Выходной, наутро после выборов – шансов на успех никаких.

Но в полдень субботы телефонная трубка вдруг сообщила голосом коменданта: «В полдень понедельника мой генерал встречается с избранным президентом Чили, а в 12.45 ждет вас в своем рабочем кабинете в министерстве сухопутных войск».

Честно сказать, в такую удачу я до конца не поверил. Но решил подготовиться – написал вопросы, которые хотел задать Пиночету. Понятно, они были сформулированы предельно корректно. Там не было ничего типа: «Хорошо ли вы спите по ночам, генерал, не приходят ли к вам призраки убиенных патриотов?». Максимум отваги, которую я себе позволил в этом списке, сводился, пожалуй, к следующему: «Если бы история повторилась сегодня, поменяли бы вы что-нибудь в методах, которыми действовали в 1973-м году?»

И это был первый вопрос, который вычеркнул из моего списка адъютант Пиночета, сидевший в его приемной в ослепительно белом кителе с красными погонами и золотыми позументами. Впрочем, он вычеркнул оттуда и все остальные вопросы, оставив только один: «Расскажите о своих родителях».

«Все будет происходить так, – сообщил мне адъютант. – Вы входите, приветствуете моего генерала, оператор снимает ровно 30 секунд. Потом оператор уходит, а вы остаетесь с ним ещё на целых три минуты».

Понятно, мечтал я совсем о другом.

Честно говоря, еще в самом начале карьеры, трудясь в редакции Южной Америки Агентства печати «Новости», а потом в международном отделе «Комсомолки», я принял активное участие в демонизации Аугусто Пиночета. Тогда многое виделось другими глазами.

Для тех, кто не помнит: в 70-х годах прошлого века примерно половина чилийцев решила построить социализм. Другая половина, погромывав пустыми кастрюлями на улицах Сантьяго (этот митинг домохозяек вошел в историю как «Марш пустых кастрюль»), махнула на это дело рукой – пусть пробуют. И они попробовали. Уже через несколько месяцев после победы на выборах правительство Народного единства довело до полного хаоса эту прежде благополучную страну, гордившуюся многочисленным средним классом. Теперь людям приходилось занимать очередь на рассвете, чтобы купить домой хоть какие-нибудь продукты. Когда стало понятно, что хаос не кончится никогда, в ход исторического процесса вмешались военные. Правда, не без помощи ЦРУ, хотя и социализм в

Чили строили тоже не без помощи советского КГБ и внешней разведки Кубы.

Осуждение путча, возглавленного Пиночетом, было одной из любимых тем советской пропаганды. Трудящиеся сочувствовали чилийцам. Собирались на митинги в цехах и универмагах, требовали отпустить на волю вожака коммунистов Луиса Корвалана, который томился в застенках. Был даже анекдот: «Пока эту... Ну, как ее... Луизу, что ли?... На карнавал не пустят, я работать не пойду!» Забегая вперед: «Луизу» так и не пустили на карнавал, но через несколько лет обменяли на советского диссидента Владимира Буковского. Вожак чилийских коммунистов уехал после этого в ГДР, а потом, после крушения Берлинской стены, вернулся в Чили, где прожил достойно и тихо до самой своей кончины.

О том, что другая половина чилийцев рукоплескала военным, у нас мало кто знал, а кто знал – помалкивал. Какие глупости тогда писали в наших газетах – вспомнить стыдно. И что Пиночет, подумать только, построил себе большой загородный дом. И что сын супостата возглавил коммерческую фирму. И что его свита беззастенчиво ворует из государственной казны, и что... Понятно, они не были ангелами, но у своих нынешних российских коллег могли бы многому поучиться!

Главной же пропагандистской темой были «преступления чилийской женщины». Каждая вторая статья так и называлась: «Ночь над Чили».

Если без эмоций, то военный переворот стал настоящей трагедией для этой страны. Сентябрь 1973-го года расколол чилийцев на два непримиримых лагеря и остался в национальной памяти шрамом, который по сей день болит в душе каждого человека, на какой бы стороне баррикад он ни находился в те дни. Тысячи людей действительно подверглись репрессиям, многие покинули страну, опасаясь преследований.

Но только вдумайтесь в цифру: как потом установила независимая комиссия католической церкви, которая расследовала преступления военных, за семнадцать лет их правления в Чили погибло чуть более 2300 человек. В процентном пересчете на 15-миллионное население страны это меньше, чем у нас каждый год гибнет на дорогах или тонет по пьяному делу на озерах и реках. Многие из них погибли в первые дни путча, когда танки расстреливали Дворец Ла Монеда, где, обратившись в последний раз к народу по радио, покончил с собой президент Сальвадор Альенде.

В Сантьяго свистели пули, и военные хватали всех, кто попадался под руку. Из тех, кто погиб или пропал без вести в последующие годы, большинство были боевиками, прошедшими подготовку на Кубе. Они были схвачены, когда подрывали мосты и линии электропередач, стреляли в военных. Среди погибших были, конечно, и невинные люди. Их смерть и страдания как раз и стали той «слезой ребенка», которой, по Достоевскому, не стоит ни одна революция. Включая чилийское экономическое чудо, благодаря которому эта страна стала одной из самых благополучных в Новом Свете.

Вот обо всем этом я и хотел снять фильм – признаться, не столько о Чили, сколько о России, где уже полыхали конфликтами бывшие советские окраины, где всем жилось несладко и мечталось о порядке. Тогда вошли в моду разговоры о «твердой руке», которая должна была бы остановить хаос развала империи. Пиночета поминали при этом все почем зря. Для одних он был действительно всемирным Бармалеем, символом авторитаризма. Для других – столь же символической «Твердой рукой – другом патриотов», который только и способен был спасти матушку-Рассею от разгула демократии.

В действительности он был ни тем, ни другим. Жесткий в принятии решений, беспощадный к врагам, настоящий вояка, Аугусто Пиночет не блистал ни особым образованием, ни ярким интеллектом. В 1973 году он скорее оказался человеком на своем месте, чем душой заговора генералов. По одной из версий, кстати, путч и был организован другими, а Пиночет примкнул к мятежникам будто бы в самый последний час и оказался наиболее подходящей кандидатурой, чтобы возглавить хунту. В любом случае, он, конечно, не был ни большим изувером, ни большим вором, чем его коллеги из иных, вполне добропорядочных правительств.

Нельзя сказать, что я размышлял обо всем этом, ожидая генерала в его приемной. Если я тогда вообще о чем-либо думал, так только о том, как изменить предложенный мне сценарий встречи. И когда, наконец, двери распахнулись, и Пиночет в ослепительно белом мундире с золотыми позументами вошел в комнату, я сделал шаг ему навстречу и, вместо «здрас-ть», выпалил:

– *Senor general, le quiero pedir disculpas por lo que habia escrito sobre Usted, siendo joven e influenciado por la propaganda comunista.*

Перевожу:

– Господин генерал, хочу попросить у вас прощения за все, что я написал о вас, когда был молод и находился под влиянием коммунистической пропаганды.

– Садитесь, – заинтригованный таким поворотом Пиночет жестом указал мне на кресло.

Именно эта моя фраза и стала причиной грандиозного скандала, который разразился на следующий день после выхода в эфир на телеканале «Останкино» (теперь Первый канал) нашего фильма «Чили: портрет на фоне Кордильер».

Разговор с Пиночетом длился минут пятнадцать, пока адъютант за спиной генерала не стал бросать на меня умоляющие взгляды, выразительно проводя рукой по горлу и тыкать пальцем в наручные часы, недвусмысленно намекая: ваше время истекло! Потом я не раз пожалел о том, что дрогнул. Окажись на моем месте американский, а не советский человек, он продолжал бы задавать вопросы.

«Бармалею» же наш разговор явно льстил. Он говорил очень тихо, почти неслышно. Трудно было представить, что этот старик в белоснежном мундире двадцать лет назад поставил вверх тормашками целую страну. Он совсем не был похож на карикатурный образ кровожадного диктатора, созданный стараниями советской публицистики – и моими, в том числе. Признаться, это было не самое интересное интервью, которое мне когда-либо приходилось брать:

– Господин генерал, хочу попросить у вас прощения за все, что я написал о вас, когда был молод и находился под влиянием коммунистической пропаганды.

– Тогда многие писали глупости, потому что хотели помогать коммунистам, а не чилийцам.

– В мировой прессе о вас ходят легенды. У них есть что-то общее с действительностью?

– Да. Общее с действительностью в них то, что их авторы сочиняли эти легенды, потому что им платили зарплату. Если бы они писали обо мне правду, их попросту выставили бы вон. Так у журналистов всегда: они должны писать то, что им скажут.

– Где же правда?

– А правда в том, что, когда я оставил пост президента через 17 лет после переворота, за меня проголосовали на плебисците 43 процентов чилийцев. Это почти половина страны. Те, кто был против, сочиняли про меня всякие глупости. Почему? Потому что они готовили революцию в Чили.

– А если я спрошу вас самого: что за человек генерал Пиночет?

– Солдат, который получил приказ и выполнил его. Причем неплохо. Потому что я понял, что мою страну отдают иностранцам. И кто? Сам президент республики! Моим долгом было защитить ее суверенитет. Поэтому я и вмешался. Знаете ли вы, сколько оружия мы нашли, когда выступили 11 сентября? Тридцать тысяч стволов! Вот как обстояли дела... Здесь уже находился даже кубинский генерал Антонио Ла Гуардиа. Он написал потом книгу, где признался: под его началом в Чили было пятнадцать тысяч партизан. Они должны были сражаться с военным правительством, представьте только!

– Говорят, вы с юности были антикоммунистом. Почему? Ведь эта теория так привлекательна.

– Привлекательна для невежд. Для тех, кто ничего другого не знает. Для тех, кто любит все получать даром. Коммунизм – это мировое господство. И Маркс ясно заявил об этом в своем «Манифесте». И Ленин тоже говорил об этом, и Троцкий мечтал о мировой революции. Хорошо еще, что его остановил Сталин, который решил сначала навести порядок в собственной стране... Теперь говорят: теория была хороша, а вот практики подвели. А я говорю: нет, эта система никуда не годится. Вы поставьте самых лучших исполнителей – результат будет таким же. Коммунистическая система провалилась! Никогда ни у одного государства не будет денег, чтобы кормить всех бездельников.

– Чили сегодня такая, какой вам хотелось видеть ее 20 лет назад?

– Тогда мы мечтали о многом и многое хотели изменить. Что-то удалось сделать, что-то – нет. Так всегда в жизни.

– У нас в стране есть люди, которые думают, что главной заботой Пиночета была дисциплина.

– В какой мере вы вмешивались в дела экономистов?

– Только в самых общих чертах. Я же не был премьер-министром. А если и бывал на фабриках, то только затем, чтобы убедиться: людям платят ту зарплату, которую они заслужили, а не меньше. Меня всегда заботило, чтобы соблюдался закон. Но чтобы заставлять кого-то работать? Никогда. У нас

такого не может быть. Чили – демократическая страна. Она была демократической, когда я появился на свет. И не мне это менять. Что бы там ни болтали про то, что я фашист и диктатор.

– В 78 лет вы чувствуете себя счастливым человеком? Было ли что-то в вашей жизни, что вам хотелось бы переписать набело?

– Да что же вам всем так нравится этот вопрос? Знаете, у каждого человека есть свои амбиции и желания, и свои слабости. В жизни что-то удается сделать, что-то нет. Мне, может, хотелось бы иметь дом в деревне. Мои предки все же были крестьяне. Но они не оставили мне дома... Я счастлив тем, что не занимаюсь больше политикой и могу делать то, что мне по душе. Мне нравится армия, мне нравится оружие, мне нравится писать об этом.

– Вы прожили долгую жизнь. Отчего же не воспользоваться заслуженным правом на отдых?

– Солдаты отдыхают в строю.

* * *

Вот, собственно, и все, о чем я успел расспросить генерала. Когда мы с режиссером Андреем Хухриковым стали монтировать фильм, стало понятно: если с этого интервью начнется кино, его досмотрят до конца все. Следом за интервью с Пиночетом стоял монолог старой женщины, вдовы члена ЦК компартии Чили, пропавшего без вести. «Пусть его имя будет проклято в веках! Пусть он устанет хоронить своих внуков!» – говорила она...

Но ее проклятий уже никто не расслышал. Фильм показали в полдень воскресенья, когда ничего не происходит, но во всех иностранных корпунктах в Москве включены телевизоры. Первым среагировало испанское агентство ЭФЭ, а вслед за ним и все остальные агентства, их сообщения наутро перепечатала мировая пресса. То ли ликуя от радости, то ли дрожа от возмущения, крупнейшая газета Чили «Меркурио» вышла с шапкой над шпигелем (это такая штука наверху газетной страницы, где пишется ее название), в которой говорилось: «РОССИЯ ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ У ПИНОЧЕТА!»

Чилийский парламент не нашел ничего более важного и срочного, чем обсудить эту сенсационную новость на своем утреннем заседании.

Посол России в Чили, дипломат ленинской школы Василий Петрович Громов, который еще в Сантьяго честно пытался отговорить меня от идеи брать интервью у престарелого диктатора: «Вас не поймет общественность», – говорил он, насупив брови, – дал в Москву срочную шифровку «вЕрхом». На

профессиональном сленге сотрудников внешнеполитического ведомства «телеграмма верхом» означает не что иное, как шифровку архиважного и сугубо секретного свойства, которая направляется веером во все высшие инстанции: в Кремль, МИД, Службу внешней разведки и так далее. Текст разгневанной телеграммы сам я, разумеется, не видел. Люди, читавшие ее, уверяли, что досталось мне в ней, что называется, по первое число. Спасло меня от очень больших неприятностей только то, что на дворе стоял уже 1994-й, а не какой-нибудь другой, более ранний год.

Скандал продолжался примерно неделю. Меня не преминули пнуть и коллеги: осуждающие публикации вышли в нескольких газетах. Включая «Московские новости», где меня обвинил в апологетике чилийского фашизма большой, как стало понятно в последние годы, демократ Сергей Брилёв. Но всё, наконец, стихло: другие, более важные события вытеснили мое «простите, генерал» из поля всеобщего негодования.

И надо же было через неделю после описываемых событий случиться в Чили Международному авиационному салону! Пиночет посетил салон, к нему подпустили журналистов, и кто-то из них, вместо того чтобы поинтересоваться его мнением о самолетах, бухнул:

– Господин генерал, а как вы относитесь к тому, что Россия попросила у вас прощения?

И Пиночет, не моргнув глазом, ответил:

– А я всегда считал, что семена, которые мы посеяли двадцать лет назад в Чили, рано или поздно взойдут в России!

И все началось сначала...

ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ

Из всех вопросов, который задают незнакомые люди, есть несколько, которые начисто сбивают меня «с катушек». Самый ненавистный: «Ой, Михаил! А вы правда всё это ели?!» Отвечаю: неправда! Тайный Всемирный Центр Клонирования человека давно изготовил по моей просьбе мою надувную действующую копию. Её-то мы и возили с собой. Она-то и ела всю эту гадость! Что же касается пауков-птицеедов, один из которых на этом

фото ждет своей печальной гастрономической участи... Не помню названия местности в Камбодже (на полдороге между Сьенрепом и Пномпенем), но там этот деликатес пользуется повышенным спросом. У дороги дежурят продавщицы с целыми корзинами жареных пауков и бросаются на каждый проезжающий мимо автотранспорт, как пауки бросаются сами знаете на кого. Паук же – вполне симпатичное и безобидное создание, у него мягкие мохнатые лапки, которые щекочут кожу, когда он ползет по твоей руке. Живут птицееды в глубоких норках, которые надо хорошенько расковырять палкой, чтобы выманить их обитателей на свет божий. А дальше все жестоко и просто: масло, чеснок, можно немножко любых специй. Честно говоря, похоже на жареную курицу. Из всей коллекции гадости, мной перепробованной, камбоджийские пауки оставили самые приятные воспоминания. Да и если разобраться: чем таракан, к примеру, отличается от креветки? Разве что в последней мяса побольше, и живет она в воде, тогда как таракан более мускулист и предпочитает сушу. Приятного аппетита! (см. фото 13)

ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ-2

Сказать, что эти милые люди – убежденные вегетарианцы, было бы большим преувеличением. Сыроедение – врать не стану, с ними случается. Но они ооочень даже любят мясо. Особенно томленное в пальмовых листьях. Его готовят в яме, над которой разводят костер. И на вопрос, какая часть этого мяса самая вкусная, они, не задумываясь, отвечают: «Ладощки!» А когда спрашиваешь – откуда, мол, знаешь? – быстро находят: «Дедушка рассказывал».

О Папуа Новой Гвинеи заговорил весь мир, когда осенью 1961 здесь как в воду канул этнограф Майкл Рокфеллер, внук легендарного миллионера. Вместе с коллегой они путешествовали по острову, выменивали у аборигенов всякие невинные безделицы, вроде разукрашенных человеческих черепов, – их коллекция даже выставлялась в Нью-Йорке. И ведь говорили ему: «Не ходи к асматам, Майкл! Недобрые они. И гостеприимные: верят, что душа человека переходит к тому, кто его съел. Если носить потом на поясе его череп». Но не послушался совета пытливый непоседа.